

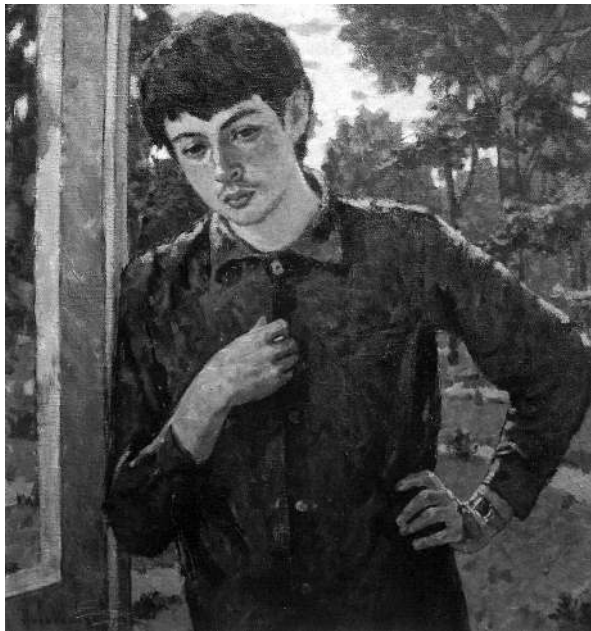
Умер Ромка... Для всех нас, друзей и просто знакомых, как бы редко мы ни общались, всегда было достаточно сказать «Ромка», чтобы понять, о ком речь...

Вспоминаются какие-то отрывки. Мы и встречались с ним отрывками. Больше пятидесяти одного года. Например. Школа, уже старшие классы. Высокий, худой, с довольно длинными волосами и робко вылезавшими усиками, в очках и тонком синем халате, надетом поверх коротковатой школьной формы, которая была тогда вроде и обязательна, но носили её только самые законопослушные, Рома произносит фразу, звучащую парадоксально, даже если отвлечься от фигуры того, кому она была адресована: «Вы — догматик, Лев Николаевич!» (Роман уже тогда был другом парадоксов во всех смыслах, а как теперь ясно — и в пушкинском понимании тоже...)

Предназначалась же эта фраза мастеру производственного обучения, крупному и несколько флегматичному человеку, которому мы в наших подражаниях катаевскому «Алмазному венцу» дали имя Гаргантюа. Роман пытался защитить личное право держать паяльник как-то по-своему. Но Лев Николаевич, глубоко вдохнув пары расплавленной канифоли, поднимавшиеся от мятежного паяльника, и выдохнув их, уже обогащёнными запахом «Явы», привёл аргумент, если вдуматься, вполне достойный Рабле. «Арбитман, вот ты когда в туалет идёшь, штаны через голову снимаешь?» Возражений Рома не отыскал, да их, пожалуй, и не было, но в итоге припаял свой проводок идеально и, как всегда, получил «пятёрку». Он получал только «пятёрки». И в школе, где мы учились в параллельных классах, и на филфаке, где мы учились в параллельных группах.

В школе мы читали одни и те же книги, заходили за ними друг к другу в гости. Помню Ромину комнату, которая, по-моему, с тех пор не изменилась. Только появился компьютер, книг стало больше, и к ним прибавились произведения Льва Гурского, Рустама Каца, Р. Арбитмана и многочисленные экземпляры с дружескими надписями авторов, которые тогда нам казались недостижимыми людьми из других миров... Ещё какое-то деревянное ложе, на котором он спал, укрепляя спину, письменный столик. Всё как-то уютно соответствовало образу хозяина. Да, ещё портрет Ромы — подростка, по-моему, летний, дачный, замечательно написанный каким-то художником, видимо, другом его отца — искусствоведа. Такой мечтательный романтик, притихший на минуту озорник, какого в школе мы в нём и не подозревали...

Любимым нашим занятием при редких встречах было совместное сочинение рассказов в стиле того или иного произведения. «Алмазный мой венец» я уже упомянул. Заканчивался тот наш опус, помню, так: «...и тень от моей шагающей



*Художник Иван Михайлович Новосельцев.
Портрет Романа Арбитмана, 1977*

фигуры перечеркнула широкое поле. И грянул гром...», поскольку намекал, совершенно несправедливо по отношению к Катаеву, на хорошую песню Фрадкина-Рождественского, которую приватизировали (такого слова ещё не было, но повадки-то были) комсомольские активисты для официальных мероприятий, а вольнодумцы троллили (хотя и такого слова тогда не было) строчками из неё мемуары Брежнева. «Я сегодня до зари встану. По широкому пройду полю. Что-то с памятью моей стало. Всё, что было не со мной, помню». Ну и Брэбери тоже в наш текст затесался. Странно ещё, что обошлось без Стругацких! Без них, как и без Ильфа с Петровым, обычно не обходилось. И без Булгакова, Шекли, Окуджавы с Галичем. И, конечно, Высоцкого. Тут, кстати, тоже парадокс Романа. Казалось, по стереотипному представлению мелких школьных хулиганов и солидарных с ними учителей, что этот примерный и послушный тихоня должен читать только «Мать» и «Как закалялась сталь», а он обожал фантастику и детективы. Впрочем, и в этом был отличником!

В университете мы встречались только на лекциях, где писали стихи по две строчки, продолжая друг друга. Правда, на лекциях я бывал не слишком часто. Наша компания больше времени проводила в «Аудитории», как у нас назывался пивной подвальчик неподалёку. А Рома занятий не пропускал.

Раз вместе попали в одну группу на летнюю фольклорную практику. Детали я позабывал, но сохранились наши стишки, которые мы, как выяснилось в совсем недавнем телефонном разговоре, оба помнили.

Можно и дату разговора определить — 7 июня 2020 года. Спустя 40 лет после их написания. Обстоятельства той экспедиции Рома живо напомнил мне, когда я, услышав, что сегодня день Ивана Купалы, позвонил ему и, не здороваясь, произнёс первую строчку. Оказывается, мы добирались до места ночным поездом, непонятно, правда, почему он останавливался у маленького посёлка, я влез на багажную полку в белых брюках, жили мы там в школе, светлой и деревянной. В одном классе — мы с Ромой, в другом — наши девушки, превосходившие нас численно раза в четыре в обычной филфаковской пропорции. Им досталась комната с перегоревшей лампочкой, которую я и заменил, стоя на панцирной кровати с отогнутым, чтобы не затоптать, непослушным матрасом, поочерёдно утопая в жесткой сетке то одной, то другой ногой и представляя, кто на этой кровати будет спать. Рома удерживал норовивший распрямиться матрас, девушки — меня. Им и посвящено наше поэтическое воззвание. Интересно проследить, как нарастает наше осознание ситуации с каждой строфой. Его легко реконструировать по меняющейся рифме...

*«Мы проснулись с утра
В день Ивана Купалы.
Славно было вчера.
Только этого мало!
И пускай я не первый.
Сердце биться устало.
Отдыхаете, стервы?!
Только этого мало!
Поднимаем мы руки,
Чтобы лампа сияла...
Пусть Максимова Надя
Мне штаны постирала...»*

Тогда только что вышел «Сталкер» Тарковского со стихами его отца, которые гениально читал Кайдановский.

Конец восьмидесятых, возвращаюсь домой пешком по улице Ленина. Пять утра. Ранняя весна, предрассветный морозец. У киоска Союзпечати разговаривают, притопывая и иногда толкаясь плечами, несколько человек. Самый высокий из них — Ромка в шапке с ушами. Все ждут, когда откроется киоск, чтобы купить «Московские новости». Их привозили экземпляров по пять. По-моему, с ним вместе была его мама. Эту газету давали по одному экземпляру в руки, как билеты на Таганку. Я-то дождался, когда мне прочитанный номер пришлёт старший брат.

Потом, с середины девяностых, Рома стал приходиться к нам на записи «Маркизы». Приносил свои книги для призов победителям. Одну он всегда дарил гостю передачи. Помню, как Сергей Юрский, которому я передал книгу (автор не

смог в тот раз прийти, о чём потом запоздало сокрушался), обрадованно сказал: «Я знаю Гурского!» Ромины мистификации уже стали знаменитыми.

Как-то он сам вышел в финал игры, отгадав, кстати, песенку Окуджавы, и мы веселились, обсуждая, сколько же у нас финалистов, если считать Романа за троих (вместе с Гурским и Кацем). Тут свихнулся бы и сам старик Кукушкинд.

Кстати, в процессе игры выяснилось, что Рома вырастил ещё несколько чуть менее знаменитых гомункулов.

Помню вид из окна машины. Лето, жара, центр города, пробки. Рома, обгоняя нас, степенно шествует в шортах, с внушающей уважение бородой к некоей неведомой мне цели.

Помню свадьбу Романа и Лены, устроенную 1 апреля, в его духе. И ощущение какой-то гармоничной радости от всего, что там происходило...

Вот совсем свежее воспоминание. Рома стоит в одиночном пикете у памятника Вавилону с плакатом «Мне не всё равно!» Удивительно похожий на тот портрет из детства. Мечтательный подросток, бесстрашный и счастливый. Может быть, потому что рядом Лена, а у него много-много друзей, читателей, замыслов...

В университете я развлекался сочинением весёлых эпитафий друзьям и преподавателям. Будущая смерть казалась нам всем тогда абстракцией и поводом для забавных шуток. Надо сказать, что они были довольно рискованными. Слегка оправдывает меня только большое количество самоэпитафий, правда, они исподволь льстили автору, намекая между делом на его брутальность, хотя тогда и это слово ещё не было обиходным, и некую inferнальность...

Например:

*«Аминь. Обрёл я постоянство.
Главассистенты обретанья —
Систематическое пьянство
И бессистемное питанье»*

Тогда стояло время моды, следуя которой благородный Сильвио перепил славного Бурцева, воспетого Денисом Давыдовым.

В отличие от заслуженных героев подобных произведений, мои имели возможность ответить. Ромка, например, написал стишок, пририсовав меня в виде парящего ангела с кулаками (он и рисовал замечательно):

*«Не состоит он членом мафии,
В стихах не угрожает прямо,
Но почему-то эпитафии
Предпочитает эпиграммам...»*

Я тогда посвятил ему несколько таких сочинений. На все вкусы.

А вот сейчас не могу...